

Кукуша

E

Кукуша

Е

«Автор»

2026

Кукуша

Е / Кукуша — «Автор», 2026

Петербург, 1756 год. В гостиных столицы, где наука — лишь модная игрушка, появляется та, кого назовут «Метеоритом, упавшим с небес». Александра Красавина-Разумовская, дочь русского посла, вернувшаяся из Европы с блестящим образованием, бросает вызов академическим умам империи. Она называет свое открытие «Дрожжами Е» — числом, управляющим ростом всего сущего: от бактерий до звезд, от остывающего чая до эволюции Вселенной. Мир не дискретен, он течет непрерывной рекой, и скорость этого течения подчиняется единому закону. Но в России, где тишина ценится выше истины, а страх сильнее жажды знания, ее голос становится угрозой. Чиновники Тайной канцелярии объявляют ее учение ересью. Перед Александрой встает выбор: замолчать и выжить — или говорить и погибнуть. Трагическая история женщины, увидевшей число, которое управляет Вселенной, и заплатившей за это жизнью. Роман о том, как знание становится проклятием, как правда опаснее лжи и как одна буква может вместить в себя бесконечность.

© Кукуша, 2026

© Автор, 2026

Кукуша

Е

Пролог. Голос из непрерывности

1.

В начале была тишина.

Не та тишина, которую можно измерить децибелами, и не та, которую можно нарушить звуком. Это была тишина абсолютного вакуума, тишина до-временная, до-пространственная, до-существования. Тишина, в которой не было ничего — ни атомов, ни частиц, ни даже самой возможности их появления.

Но в этой тишине уже прятался закон.

Он не имел имени, не имел формы, не имел голоса. Он был просто возможностью. Возможностью того, что из ничего может возникнуть нечто. Что из хаоса может родиться порядок. Что из молчания — песня.

Прошли эпохи, не измеримые человеческими мерками. Пространство родилось, время начало свой бег, материя вспыхнула в первом мгновении творения. И тогда, впервые, закон проявил себя. Он стал числом.

Числом, которое не было целым, не было дробным, не было рациональным. Оно было иным. Оно было пределом. Оно было стремлением. Оно было той гранью, за которой начинается бесконечность.

Его назвали позже. Назвали буквой, которая стала больше, чем буква. Назвали символом, который вобрал в себя суть мироздания. Назвали числом Е.

2.

Два миллиона лет назад, в африканской саванне, первобытный человек впервые поднял голову к небу. Он не знал чисел, не знал формул, не знал законов. Но он чувствовал что-то. Что-то, что заставляло его сердце биться быстрее, а глаза — смотреть в бесконечность.

Он не мог описать это чувство. Он не мог передать его словами. Но он знал: что-то в этом мире не случайно. Что-то заставляет траву расти, воду течь, звезды двигаться. Что-то управляет всем.

Это «что-то» было числом Е. Оно уже тогда пронизывало мир, хотя никто не знал его имени. Оно было в каждом дыхании, в каждом шаге, в каждом ударе сердца. Оно было там, где есть рост. А рост был везде.

Сотни тысяч лет прошли, прежде чем человек научился считать. Тысячи лет — прежде чем он научился писать. И только в семнадцатом веке, в маленькой европейской стране, один человек — Якоб Бернулли — случайно наткнулся на то самое число. Он решал задачу о деньгах, о процентах, о росте капитала. Но то, что он открыл, было больше, чем деньги. Это была сама природа изменения.

Он увидел предел. Увидел, что, как бы ни дробить время, как бы ни увеличивать частоту изменений, есть граница, которую нельзя переступить. Есть число, которое управляет этим процессом. Есть Е.

3.

Но есть истины, которые нельзя открывать слишком рано.

Есть знания, которые подобны огню: они согревают, но могут и сжечь. Есть законы, которые человечество должно познавать постепенно, шаг за шагом, иначе они могут разрушить то, что строилось веками.

В России, в середине восемнадцатого века, жила девушка. Она была умна, образована, свободна в своих мыслях. Она увидела то, что другие не замечали. Она почувствовала то, что другие боялись чувствовать. И она произнесла это вслух.

Она назвала число Е «Дрожжами» — потому что оно заставляет расти все, с чем соприкасается. Она говорила о непрерывности. О том, что мир течет, что все связано, что смерть — это просто переход. Она говорила о законах, которые управляют Вселенной.

Ее не поняли. Ее испугались. Ее убили.

Но число осталось. Оно не умирает. Оно ждет. Оно ждет тех, кто готов его увидеть. Оно ждет нас.

4.

Мы живем в эпоху, когда число Е стало повседневностью. Мы используем его в физике и экономике, в биологии и социологии. Мы видим его в росте популяций и в радиоактивном распаде, в остывании чая и в распространении информации. Мы знаем, что оно описывает процессы изменения. Мы знаем, что оно — основа экспоненциального роста.

Но знаем ли мы, что стоит за этим числом? Знаем ли мы историю его открытия? Знаем ли мы трагедии, которые сопровождали его проникновение в человеческое сознание?

Мы помним π — символ геометрии пространства. Мы помним $\sqrt{2}$ — число, которое потрясло пифагорейцев. Мы помним множество других чисел, каждое из которых имеет свою историю. Но число Е — одно из самых загадочных. Оно не связано с геометрией, не связано с простыми измерениями. Оно связано со временем. С ростом. С самой сутью бытия.

Эта книга — не о формулах. Она о человеке. О женщине, которая первой в России осмелилась назвать это число вслух. О женщине, которая заплатила за свою правду самой высокой ценой. О женщине, чья трагедия стала частью истории числа.

Эта книга — о ней. Об Александре Красавиной-Разумовской. О Метеорите, упавшем с небес. О той, кто увидела число, но была слишком далека от своего времени, чтобы быть понятой.

5.

Представьте, что вы стоите на берегу бесконечного океана. Волны набегают одна за другой, и каждая из них — это момент времени. Одни волны высоки, другие низки, третьи вовсе незаметны. Но все они подчиняются одному закону. Все они — часть одного движения.

Число Е — это этот закон. Это ритм, по которому бьется пульс Вселенной. Это скорость, с которой растет сложность мира. Это предел, к которому стремится все сущее, никогда его не достигая.

Александра увидела этот ритм. Она услышала этот пульс. Она почувствовала этот предел. И она попыталась рассказать о нем другим.

Но ее голос утонул в шуме времени. Ее слова были забыты. Ее имя стерто из истории. И только число осталось. Оно всегда остается.

И теперь, когда мы произносим «Е», мы произносим ее имя. Хотя никто не знает об этом. Хотя никто не помнит.

Но мы помним. Мы, те, кто читает эту книгу. Мы, те, кто слышит этот голос из непрерывности.

6.

В этой книге нет формул. Нет уравнений. Нет чисел в их привычном смысле. Есть только история. История о том, как знание становится проклятием. Как правда становится преступлением. Как свет становится опасным.

Это история о любви — к истине, к красоте, к пониманию. И о цене, которую приходится платить за эту любовь.

Александра Красавина-Разумовская не была героиней в обычном смысле. Она не сражалась с врагами, не спасала государства, не совершала подвигов. Она просто видела. И пыталась поделиться своим видением.

Но в мире, где видение расценивается как угроза, быть видящим — это уже подвиг. И трагедия. И судьба.

Ее судьба стала частью числа Е. Она вписалась в эту бесконечную дробь. Она стала остатком, который никогда не обнуляется.

7.

Когда вы закроете последнюю страницу этой книги, число Е останется с вами. Вы увидите его в росте дерева за окном, в тиканье часов, в движении звезд. Вы услышите его в шуме дождя, в песне ветра, в биении собственного сердца.

И тогда, может быть, вы вспомните о ней. О женщине, которая первая назвала это число. О женщине, которая погибла за то, чтобы мы могли его знать.

Ее имя — Александра Красавина-Разумовская.

И она ждет нас — там, в бесконечности, где нет времени, но есть вечное движение. Она ждет, чтобы мы поняли: число Е — это не просто символ. Это закон. Это жизнь. Это наша общая судьба.

Мы все — часть этой непрерывности. Мы все — точки на бесконечной кривой. Мы все стремимся к пределу, которого никогда не достигнем. И в этом стремлении — наша сила, наша красота, наша вечность.

Добро пожаловать в историю числа Е.

Добро пожаловать в историю Александры.

Добро пожаловать в непрерывность.

8.

Ветер времени дует сквозь страницы этой книги. Он несет с собой голоса тех, кто ушел, но не исчез. Голос Якоба Бернулли, зачарованного пределом. Голос Леонарда Эйлера, давшего числу имя. Голос сотен ученых, которые строили здание математики, этаж за этажом.

Но среди этих голосов есть один — особенно чистый, особенно звонкий, особенно трагичный. Это голос молодой женщины, которая стояла на эшафоте и не боялась. Которая улыбалась палачу. Которая знала, что смерть — это не конец.

Ее голос звучит сквозь века. Он звучит в каждой формуле, в каждом законе, в каждом числе Е. Он звучит в каждом сердце, которое бьется в такт со временем.

И он говорит нам: не бойтесь видеть. Не бойтесь знать. Не бойтесь произносить правду вслух.

Потому что правда не умирает. Она становится законом. Она становится числом. Она становится вечностью.

Так было. Так есть. Так будет.

Всегда.

Глава первая. Дрожжи Е

1.

В тот год петербургская осень выдалась тягучей, словно патока, и серой, как шерсть на загривке у волка. Она не обрушивалась ураганом, а медленно, с хирургической аккуратностью выдавливалась из воздуха последнее тепло, превращая невскую воду в свинцовое зеркало, а в сознании людей — в липкое ощущение конца света, который никак не наступал, заставляя томиться в ожидании.

Дни стали короткими, словно у кого-то невидимого сжали время в кулаке, и теперь каждый час тянулся бесконечно долго, но при этом ускользал быстрее, чем его можно было осмыслить. Александра любила эту пору. Не за красоту — в ней не было ни золота пушкинской осени, ни буйства красок. А за ту особую прозрачность, когда обнаженные ветви деревьев, словно нервные окончания, тянулись к низкому небу, и воздух становился настолько чистым, что можно было разглядеть каждый стык на гранитных набережных, каждую трещинку в старых стенах, каждую морщину на лицах прохожих. В этой прозрачности, думала она, скрыта правда. Та самая, которую обычно прячут за листвой и солнечными бликами.

В доме графа Разумовского, что на набережной, было душно от споров. Собрались, как обычно по четвергам, умы: профессора Академии, иностранные негоцианты с претензией на философию, столичные франты, считавшие себя ценителями нового, и несколько сухопарых старцев, чьи имена гремели в европейских университетах до того, как Елизавета Петровна взошла на престол. Граф любил собирать у себя разношерстную публику — в этой пестроте, в этом столкновении самолюбий он находил удовольствие, сродни тому, какое получают от наблюдения за дракой петухов. Но сегодня вечер был особенным. Слишком многие ждали, что его блистательная дочь, вернувшаяся из Австрии, вновь явит свой необычный ум.

Александра стояла на галерее, за колонной, где ее не было видно из зала, но откуда она видела всех. Она изучала лица. Вот профессор Брандт с его вечной привычкой таращить глаза на собеседника, словно тот был микроскопическим препаратом. Вот молодой математик, выпускник Марбургского университета, — нервный, острый, слишком самоуверенный. Вот старик в парике, который делает вид, что дремлет, но на самом деле не пропускает ни слова. Все они говорили о росте. О том, как растет колония плесени в лабораторном сосуде, забытом в темном углу.

Спор начался с пустяка. Брандт утверждал, что скорость роста плесени прямо пропорциональна наличной массе, но заметил при этом, что со временем прирост замедляется, словно организм устает. Молодой математик парировал, что это противоречит элементарной логике: если скорость растет с массой, то процесс должен ускоряться, а не замедляться. Значит, дескать, Брандт ошибается в своих наблюдениях, приборы неточны, а выводы — поспешны.

— Природа не терпит линейной грубости! — воскликнул математик, ударив ладонью по столу. — Она не может одновременно, и расти, и тормозить. Это нонсенс!

Брандт побагровел еще больше, его руки задрожали, и он начал что-то невнятно мычать о невежестве молодежи. Спор набирал обороты, грозя перейти в обычную перепалку, где никто никого не слышит, и каждый пытается подавить собеседника голосом и весом своих регалий. Гости уже разделились на два лагеря, воздух накалился до предела, когда с верхней галереи, где обычно собирались дамы, раздался звонкий, не по-женски четкий голос.

— Господа, вы спорите о росте плесени, но при этом не видите леса за деревьями.

Все головы разом повернулись вверх. Там, опершись на перила из мореного дуба, стояла она — Александра Красавина-Разумовская. В черном бархатном платье, без обычных для девиц ее круга жемчугов и кружев, она казалась черным лебедем, случайно залетевшим в курятник. Свет свечей выхватывал из полумрака ее бледное лицо с огромными, неестественно серьезными глазами. В этих глазах не было девичьего кокетства — была та пугающая глубина, которая заставляет собеседника инстинктивно сделать полшага назад.

— Позвольте, сударыня, — кисло улыбнулся профессор Брандт, поправляя парик, который сполз набок от волнения. — Вы изволите слушать наш спор? Помилуйте, это материя для мужчин, слишком... специфичная.

— Специфичная? — Александра чуть наклонила голову, и в этом движении было что-то птичье, хищное. — О, вы правы. Процесс, где скорость изменения есть сама изменяющаяся величина, — это нечто большее, чем специфика. Это мироздание в действии. Вы, господин профессор, правы в своих наблюдениях, но ваша ошибка в том, что вы видите в этом только плесень.

Она легко, почти паря, спустилась по лестнице в зал. Ее легкие шаги не были слышны на толстом ковре, и казалось, что она плывет над полом. Вокруг повисла та особенная тишина, какая бывает перед чудом или скандалом. Гости расступились, освобождая ей место у большого дубового стола, где лежали бумаги и стояли свечи.

2.

Александра подошла к столу, взяла в руку мел — прямо из камина, где им помечали дрова, — и повернулась к большой черной доске, принесенной специально для диспутов.

— Вы задаете вопрос, господин математик: «Почему с каждым новым шагом прирост становится меньше, хотя общая масса растет?» — Она провела линию на доске — кривую, которая сначала стремительно уходила вверх, а затем, по мере приближения к краю, словно уставала, загибалась к горизонтали. — Но вы, сударь, рассматриваете один шаг, одну секунду, один миг. А нужно смотреть на бесконечную последовательность этих миггов.

— Сударыня, прошу прощения, — перебил ее старик, который делал вид, что дремлет. Голос у него оказался неожиданно звонким и молодым. — Не хотите ли вы сказать, что природа оперирует бесконечностями? Это, знаете ли, попахивает мистикой. В науке мы привыкли к конечным величинам.

— Природа не знает ни конечных, ни бесконечных величин, — ответила Александра, не оборачиваясь. — Природа знает только непрерывность. Мы накладываем на нее свои сетки, свои дискретные ячейки, свои числа и цифры. А она течет. И число, о котором я хочу сказать, — это не формула. Это сама суть этого течения.

Она отбросила мел и повернулась к ошеломленной публике. В зале стояла гробовая тишина. Кто-то из гостей нервно кашлянул.

— Я долго жила в Австрии. В Вене, Лондоне, Париже. У меня был доступ к архивам, которые еще не успели покрыться пылью петербургского консерватизма. Книги, письма, дневники — это не просто бумага, господа. Это дыхание мысли. И там, среди бумаг, я увидела одно число. Его назвали позже, уже здесь, в России, «Дрожжи Е».

— Дрожжи? — переспросил кто-то из молодых офицеров, стоявших у дверей, скептически приподняв бровь. — Вы, верно, шутите, сударыня? Какие дрожжи в математике?

— О, самые что ни на есть буквальные, — улыбнулась Александра, и в ее улыбке мелькнула тень пророчицы. — Потому что подобно дрожжам, оно заставляет расти любое тесто, в которое его кладут. Только тесто это — сама Реальность. В тридцать пятом году минувшего столетия швейцарец Бернулли, решая обычную задачу о том, как увеличивается капитал в банке, натолкнулся на нечто странное. Если кладешь рубль под сто процентов, через год получаешь два. Если проценты начислять чаще, то — больше. Дважды в год — два с четвертью. Трижды — чуть больше. И если бесконечно дробить этот год, если проценты начислять каждый миг, каждое биение сердца, каждое колебание эфира — сумма не растет бесконечно, а стремится к одному пределу.

Она выжидающе замолчала, давая толпе переварить услышанное. Где-то в глубине дворца часы пробили половину одиннадцатого. Дождь за окном усилился, барабанил по стеклу, словно нетерпеливый слушатель, требующий продолжения.

— К двум целым, семи тысячам, восьмистам восемнадцати и так далее. Бесконечная дробь, которая не повторяется, но всегда стремится к себе самой. — Александра посмотрела в окно, на дождь, хлеставший по стеклу, и голос ее стал тише, словно она говорила не с ними, а с самой собой. — Это и есть порог. Квант. Граница, переступить которую нельзя. Это — лицо Непрерывности.

— Простите, сударыня, — вмешался молодой математик, которого ее слова задели за живое. Его голос дрожал от обиды и профессиональной ревности. — Но это же элементарный предел. Всякому студенту он известен. Вы не открыли Америку. Бернулли, Ньютон, Лейбниц — все они знали об этом.

— Всякому студенту известна *формула*, — медленно, с нажимом повторила Александра, и ее глаза вспыхнули тем странным огнем, который уже начал пугать присутствующих. — Но вы, сударь, видите написанное, а я — процесс. Есть огромная разница между тем, чтобы выучить заклинание, и тем, чтобы понять, как устроена магия.

Она взяла другой мел и провела еще одну линию. На этот раз прямую, стремительную, которая уходила в бесконечность под крутым углом.

— Посмотрите. Функция, которая описывает рост плесени, или остывание чая, или расширение слуха, или падение империи, — это отражение *самой себя*. Как две створки зеркала, поставленные друг напротив друга, создающие бесконечный коридор. Возьмите производную, господин математик, — то есть скорость этого роста — и она окажется равной тому, что вы уже имеете. Скорость изменения равна самой величине. Это самоподобие. Это вечный двигатель, который существует не вопреки законам физики, а благодаря им.

Она говорила с необычайным жаром. Ее голос, сначала тихий и ровный, теперь набирал силу, заполняя собой весь зал, заглушая шум дождя и потрескивание свечей. Она больше не обращалась к конкретным людям — она обращалась к пространству, к самому времени, которое текло вокруг них.

— Физики говорят: если пространство однородно — есть закон сохранения импульса. Если время однородно — есть закон сохранения энергии. И число Е лежит в основе этой однородности. Вселенная не терпит скачков. Смерть, рождение, распад атома, рост цветка — это всё одно и то же движение, одна и та же плавная, бесконечно дробимая кривая. Природа просто переливает суть из одного сосуда в другой, и Е — это тот объем, который никогда не меняется.

3.

На следующий день споры в городе не утихали. «Метеорит-упавшая с небес» — окрестил ее кто-то из остряков в одном из трактиров, и прозвище мгновенно приклеилось. И правда, за два месяца, прошедших с ее возвращения на родину, она будто упала с неба: слишком много знала, слишком быстро и глубоко мыслила, слишком легко переходила с русского на французский, немецкий, английский и латынь. Она цитировала наизусть не только Плиния и Аристотеля, но и совсем свежие работы Эйлера, о которых в Петербурге еще никто не слышал, — письма приходили к ней из-за границы через отцовские дипломатические каналы.

Отец ее, князь Андрей Красавин, старый дипломат, выйдя в отставку, поселился в Петербурге на покое. Он был невысок, плотен, с седыми бакенбардами и вечно усталыми глазами человека, который слишком долго смотрел на чужие интриги, чтобы принимать их всерьез. Он любил дочь безоглядно и боялся ее так же безоглядно.

— Ты слишком ярко горишь, Сашенька, — сказал он ей однажды за завтраком, когда за окнами их дома на Мойке тоже шел дождь. — Здесь, в России, не любят слишком яркого света. Он высвечивает то, что хотят скрыть.

— Но ведь правда не может быть скрыта вечно, отец, — ответила Александра, отламывая кусочек хлеба. — Рано или поздно она прорастает сквозь любую толщу лжи. Как плесень в том сосуде у профессора Брандта.

— Плесень — это плесень, — вздохнул князь. — А правда, Саша, часто бывает неудобна. Ее не любят. Тебя не любят.

— Я знаю, — тихо сказала она, и в голосе ее послышалась не детская обидчивость, а глубокая, всезнающая грусть. — Но я не могу молчать. Ты понимаешь? Я вижу это число везде. В венах листьев, в биении пульса, в тиканье часов. Когда я смотрю на звезды, я вижу, как они движутся по этой кривой. Е — это не просто предел. Это принцип, по которому *бытие* избегает коллапса.

Она встала из-за стола и подошла к высокому окну, за которым серый туман клубился над темной водой Мойки.

— Представь, что Вселенная — это чай, остывающий в чашке. Сначала он горяч — изменения быстры. Потом медленнее. По этой кривой. — Она провела пальцем по запотевшему стеклу, оставляя замысловатую линию. — И если мы пойдем эту кривую до конца, мы пойдем, куда мы все движемся. Возможно, мы увидим точку, где время сожмется в бесконечность.

— И что тогда? — спросил князь, чувствуя, как холодок страха пробегает по спине. — Что станет с нами, когда время сожмется?

Александра обернулась. В ее глазах стояли слезы, но не грусти, а какой-то нечеловеческой, выжигающей внутренности боли.

— Тогда мы увидим, что сингулярность — это иллюзия, — прошептала она. — Уравнение упирается в стену, теряет смысл, а реальность... она идет дальше. Там, за числом, начинается чистая воля. Воля к росту. И это самое страшное, отец. Потому что воля к росту не знает пощады. Она просто растет. Растет, не спрашивая, готовы ли мы к этому росту. Не спрашивая, больно ли нам, или страшно, или мы хотим остановиться.

4.

В академических кругах заговорили о «системе Дрожжей Е». Сначала с насмешкой, потом с настороженностью, а потом — с тем особым ужасом, который люди испытывают перед тем, что не могут ни объяснить, ни отвергнуть. Александра утверждала, что с помощью этого ключа можно разбирать любые споры. Возьмет ли кто задачу о баллистике, о движении небесных сфер, о прибыли купцов или о сроках постройки корабля — она предлагала взглянуть на это через призму *непрерывного изменения*. Она не подставляла числа, она учила мыслить *процессом*. Не спрашивать «сколько», а спрашивать «как быстро меняется то, что я вижу, и куда это ведет».

Однажды в Академии наук, куда ее допустили по настоянию самого президента, пораженного ее репутацией, она устроила настоящий переполох. Там обсуждали проект нового корабля для Балтийского флота. Инженеры спорили о толщине обшивки, о кривизне корпуса, о парусности. Они приводили таблицы, чертежи, расчеты — громоздкие, тяжеловесные, как сами корабли, которые они проектировали. Александра слушала молча, а потом подняла руку.

— Господа, — сказала она, и голос ее звенел в высоком академическом зале, — вы спорите о миллиметрах и градусах, но вы не видите главного. Корабль — это не совокупность досок и гвоздей. Это процесс. Он движется в среде, которая сопротивляется его движению, и это сопротивление растет не линейно, а по закону, который мы называем Дрожжами Е. Ваш корабль, — она указала на чертеж, — утонет не потому, что у него плохая обшивка. Он утонет потому, что его создатели не учли непрерывность взаимодействия со стихией.

— Сударыня, — перебил ее главный инженер, пожилой немец с железной выдержкой, — позвольте, но корабль строится по чертежам. Чертежи — это дискретные величины. Мы не можем строить по «непрерывности».

— Именно поэтому вы строите плохие корабли, — парировала она. — Потому что вы видите чертеж, а не море. Море не знает ваших дюймов и футов. Море знает только кривую, по которой оно обтекает ваш корпус.

В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как за окном кричат чайки. Главный инженер побледнел, потом покраснел, потом что-то пробормотал насчет «дамских фантазий» и вышел вон. Но слово было сказано. Зерно было брошено.

«Забудьте о дискретности, господа!» — кричала она на диспутах, и голос ее разносился по университетским коридорам. «В мире нет неделимых точек. Есть лишь поток. И если вы хотите знать, как распадется этот изотоп, или когда остынет этот чугун, или через сколько лет наступит голод при таком-то неурожае — не стройте чертежей, не выводите уравнений. *Почувствуйте* Дрожжи Е внутри самого процесса. Смотрите, насколько быстро меняется то, что вы видите, и вы увидите Его — ту самую дверь в Вечность».

Ее слушали. Ей аплодировали. Но в глазах самых проникательных — и Брандта, и старого графа Шувалова, и даже ее собственного отца — читалась тревога. Это был не восторг, а страх. Страх перед той силой, которую она выпустила на свободу, даже не понимая до конца, какую дверь открыла.

5.

Через неделю после того диспута в Академии Александра отправилась в Кунсткамеру. Она любила это место с детства, еще, когда жила здесь с матерью, до отъезда в Австрию.

Тогда она бродила между заспиртованными уродами и старыми атласами, и чувствовала себя неуютно, но притягательно. Теперь она приходила сюда как в храм. Ей казалось, что именно здесь, среди сохранившихся чудес природы, она сможет найти новые подтверждения своей теории.

Она стояла перед витриной, где под стеклом покоился гигантский скелет морского животного, выловленного когда-то у берегов Камчатки. Ребра его расходились веером, создавая ту самую кривую, которую она рисовала мелом на досках. Начало — узкое, потом расширение, потом снова сужение. Непрерывность. Плавный переход от одного состояния к другому.

— Сударыня, — раздался позади нее голос. Она обернулась. Это был тот самый старик, что делал вид, будто дремлет на диспуте у графа Разумовского. Теперь он стоял перед ней во всей своей невысокой, сухопарой фигуре, и глаза его смотрели на нее с той особенной пронизательностью, которая бывает только у людей, много видевших и много передумавших.

— Я узнала вас, — сказала Александра. — Вы тот, кто не спал в тот вечер.

— Вы пронизательны, — улыбнулся старик. — Меня зовут Степан Иванович. Я всего лишь скромный библиотекарь при Академии. Но я много лет собираю записи древних алхимиков и натурфилософов. И должен сказать, сударыня, что ваши «Дрожжи Е» — не новость. Это — древняя ересь.

— Ересь? — Александра удивленно подняла брови. — Почему же ересь?

— Потому что вы пытаетесь превратить наблюдение в действие, — сказал Степан Иванович, подходя ближе. — Вы не просто описываете мир — вы пытаетесь научить людей управлять им, используя этот принцип. А это, знаете ли, опасно. В старых книгах, которые я читал, это называлось «математика без бога». Это когда вы берете законы творения и начинаете крутить их как хотите. Вас могут не понять. Вас могут... устранить.

Александра почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она привыкла к спорам и насмешкам, но в голосе старика была та спокойная уверенность человека, который знает что-то, чего не знает она.

— Я не хочу управлять миром, — ответила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Я просто хочу его понять. И если мое понимание может помочь кому-то... построить лучший корабль или вырастить больше хлеба... разве это плохо?

— Вопрос не в том, плохо это или хорошо, — вздохнул старик. — Вопрос в том, готова ли система к такому знанию. Петербург, сударыня, — это не Вена и не Париж. Здесь знание — это валюта. А валюту, которая слишком быстро растет в цене, властители хотят иметь в своих руках. Не в руках молодой дворянки, которая, простите меня, выглядит как ангел и мыслит как демон.

Он поклонился и, не добавив больше ни слова, ушел в тень галереи, оставив Александру одну перед скелетом древнего чудовища. Она долго стояла, глядя на изогнутые ребра, и в голове ее звучали слова: «Готова ли система?»

6.

Она вернулась домой поздно. Дождь кончился, но туман, плотный и липкий, как паутина, обволакивал улицы. Свет фонарей размывался в нем, создавая ореолы, похожие на те, что она видела на своих графиках — кривые, стремящиеся в бесконечность, но никогда ее не достигающие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.